

УДК 94 (47)

ИДЕОЛОГИЯ НЕОНАРОДНИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: ПРОГРАММНО-ТАКТИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ ЭСЕРОВ И ЭНЕСОВ

В. В. Назаров

Саратовский государственный университет,
Балашовский институт (филиал)
E-mail: nvv1975RSB@mail.ru

В статье рассматриваются программно-тактические разногласия, возникшие между партией социалистов-революционеров (ПСР) и партией народных социалистов по вопросам развития аграрного сектора, во взглядах на социальное и политическое устройство российского общества, их отношение к политическому террору. Основной вывод статьи сводится к тому, что программно-тактические разногласия неонародников не позволили им сформировать единой идеологии. Противоречия оказались столь глубокими, что привели к окончательному размежеванию двух близких друг другу партий по многим вопросам и переходу энесов фактически в лагерь либеральных политических сил.

Ключевые слова: идеология, неонародничество, политические партии, социалисты-революционеры, народные социалисты, социализация, политический террор.

The Ideology of Neo-populist Parties: Disagreements in Policy and Tactics between Socialist-Revolutionaries and National Socialists

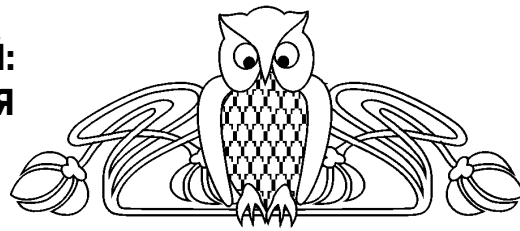
V. V. Nazarov

In this article we study disagreements in policy and tactics that arose between the parties of Socialist-Revolutionaries and National socialists. These disagreements involved the development problems of agrarian sector, some differences in understanding of social and political structure of Russian society and the attitude to political terror. The major conclusion of the article is the following: disagreements in policy and tactics of neo-populists prevented them from formulating common ideology. The conflict appeared to be so deep that in many aspects it led to the separation of two close parties and resulted in actual conversion of National socialists to liberal political forces.

Key words: ideology, neo-populism, political parties, socialist-revolutionaries, national socialists, socialization, political terror.

Неонародничество представляет собой комплекс политических, социологических и мировоззренческих представлений преимущественно представителей интеллигенции, сложившийся на рубеже XIX–XX вв. на основе политических концепций А. И. Герцена, Н. К. Михайловского, П. Л. Лаврова¹. Как идейное движение оно возникло на фоне внутреннего кризиса народничества, оформившись в качестве программ политических партий (эсеров, энесов, трудовиков, эсеров-максималистов и др.)².

Проблемы идеологии неонароднических партий нашли отражение в целом ряде работ отечественных и зарубежных историков³. Однако по-прежнему остается не до конца изученным

вопрос об идейных расхождениях внутри неонародничества, глубине политического размежевания между политическими партиями, последствиях идейных разногласий для развития политического процесса в России в начале XX века. В предлагаемой читателю статье речь идет о программно-тактических разногласиях между эсерами и энесами.

Партия социалистов-революционеров занимала одно из ведущих мест в партийной системе России начала XX века. Она была наиболее многочисленной и самой влиятельной неонароднической партией. Вершинами политической активности партии стали 1905–1907 и 1917 годы. В короткий срок после Февральской революции эсеры превратились в крупнейшую политическую силу, их численность достигла миллиона. Социалисты-революционеры заняли лидирующее положение в органах местного самоуправления и большинстве общественных организаций, одержали победу на выборах в Учредительное собрание. Представителям партии принадлежал ряд ключевых постов в правительстве. Весьма популярными в обществе были эсеровские идеи демократического социализма и мирного перехода к нему. Ведущими идеологами партии являлись В. М. Чернов, М. Р. Гоц, Н. Д. Авксентьев⁴.

Эсеры являлись последователями народничества 70-х гг. XIX в., считавшими возможным переход России к социализму некапиталистическим путем. Однако в народническую доктрину об особом пути России к социализму они внесли существенные коррективы, обусловленные изменениями, произошедшими как в России, так и в мировом социалистическом движении к началу XX века.

Важнейшим условием социализма эсеры считали политическую свободу и демократию. В программе партии говорилось об установлении демократической республики, гарантированности прав человека и гражданина: свободы совести, слова, печати, собраний, союзов, стачек, неприкосновенности личности и жилища, всеобщего и равного избирательного права для всех граждан, достигших двадцатилетнего возраста, без различия пола, религиозной и национальной принадлежности, прямой системы выборов с закрытой подачей голосов. Эсеры предлагали широкую автономию для регионов страны, применение федеративных отношений между отдельными национальными регионами при признании за ними права на самоопределение. Социалисты-революци-

онеры выдвинули требование федеративного устройства Российского государства⁵.

Классовая принадлежность, в соответствии с эсеровскими представлениями, определялась не отношением к собственности, а источником дохода. Для одних классов таким источником служила эксплуатация чужого труда, для других – их собственный труд. К последним относились пролетариат, трудовое крестьянство и трудовая интеллигенция.

Крестьянство являлось предметом особого внимания эсеровских идеологов. Именно поэтому важное место в программных документах партии социалистов-революционеров занимал аграрный вопрос. Он нашел отражение в программе партии, в многочисленных резолюциях, обращениях. Большой вклад в разработку аграрной программы эсеров внес В. М. Чернов⁶.

Как справедливо заметил М. И. Леонов, аграрная программа эсеров «была результатом интеллектуального поиска нескольких поколений»⁷. Она предполагала превращение земли в общенародное достояние при ликвидации частной собственности на нее, конфискацию помещичьего землевладения, передачу земли органам самоуправления (демократически организованным общинам и союзам общин), уравнильно-трудовое пользование ею на основе приложения собственного труда. Полезные ископаемые предполагалось оставить в ведении государства⁸.

Аграрная программа эсеров, в которой сохранилось основополагающее положение о социализации земли, впервые была представлена в написанном К. Р. Кочаровским с последующей редакционной правкой В. М. Чернова обращении «От Крестьянского союза партии социалистов-революционеров ко всем работникам революционного социализма в России», опубликованном в партийной газете «Революционная Россия» 25 июня 1902 г. «Для крестьянства мы в первую очередь ставим социализацию земли, – отмечалось в обращении, – т. е. переход ее в собственность всего общества и в пользование трудящихся, а во-вторых, развитие в крестьянстве всевозможных видов общественных соединений и экономических коопераций для постепенного высвобождения крестьянства из-под власти денежного капитала и для приготовления грядущего коллективного земледельческого производства»⁹. В проектах партийной программы 1903 и 1904 г. она подверглась дальнейшей доработке, а затем в 1905 г. была принята на первом съезде партии. Аграрные законопроекты эсеры вносили на обсуждение I и II Государственной думой.

Необходимо отметить, что некоторые члены партии не видели принципиальной разницы между социализацией и национализацией земли. Так, например, в программе 1903 г. употребляется термин «национализация»¹⁰, а в программе 1904 г. – «социализация»¹¹. В дальнейшем именно последний термин получил наибольшее распространение в эсеровских документах и публицистике и

означал «изъятие чего-либо из-под власти частной собственности и передачу в общественные руки». «Социализация земли есть такая форма поземельных отношений, которая предполагает уничтожение частной собственности на землю», – отмечал В. М. Чернов¹².

Социализация земли являлась главной составной частью эсеровского социализма, разработанного В. М. Черновым. Его учение стало синтезом народнической концепции рубежа XIX–XX вв., идеалов российского крестьянства и достижений западноевропейской социалистической мысли. Социализация, по его мнению, была универсальным средством, которое должно было помешать развитию в деревне капиталистических отношений и гарантировать защиту интересов трудящихся, так как землей должна была распоряжаться не центральная власть, а органы местного самоуправления – общины и территориальные союзы общин.

Существенным признаком социализации земли являлось установление общенародных, или общегражданских прав на землю. Так, В. М. Чернов утверждал, что «каждый член народа, населения, каждый гражданин является <...> не пассивным объектом воздействия поземельной политики государства, а управомоченным, т. е. лицом, право которого соответственно закреплено гражданским строем страны, ее конституцией»¹³.

Важнейшим принципом социализации земли была децентрализация права на землю, при которой сам народ обладает правом трудового пользования землей. Понятие «общественное владение» в проекте программы от 1904 г. на первом съезде партии эсеров, проходившем в декабре 1905 – январе 1906 г., было заменено на положение, согласно которому земля обращается в общенародное достояние и переходит в «руки демократических, т. е. бессловесных общин и других территориальных, общественно-правовых союзов»¹⁴. «Социализация земли есть первейший шаг на пути к трудовому государству», – подчеркивал В. М. Чернов¹⁵.

Другим важным принципом социализации земли было уравнильное землепользование. В проекте программы 1904 г. еще ничего не говорилось о нормах владения землей, но уже на первом съезде партии эсеров было принято положение о минимальной «потребительской» норме, предусматривавшей предоставление в пользование одной семье такого количества земли, которое обеспечивало бы прожиточный минимум, и «трудовой» норме, которая означала такое количество земли, которое мог обработать трудящийся, не прибегая к найму рабочей силы.

Социалисты-революционеры рассматривали поземельную крестьянскую общину как форму трудовой кооперации, как сочетание двух различных прав – права на труд, обеспечиваемого общиной путем предоставления каждому своему члену, на равных условиях с другими, участка

земли, и права труда, раз вложенного в землю и не отделимого от нее, слившегося с землей в процессе улучшения почвы.

Эсеры также отмечали, что должно быть установлено право на пользование землей, предоставлены гарантии землевладельцу, что плоды его труда до тех пор будут обеспечены за ним, пока он в состоянии будет трудиться на этой земле. По убеждению эсеров, никому не может быть предоставлено юридическое право на пользование землей без обязательства обрабатывать ее лично. Чернов подчеркивал, что почва должна служить средством эксплуатации природы, но никак не эксплуатации человека человеком¹⁶.

Эсеровская программа социализации земли представляла собой оригинальную концепцию решения аграрного вопроса в России. Она была привлекательна и популярна широким массам. О ее популярности свидетельствует тот факт, что в 1906 г. эсеровский законопроект в Государственной думе собрал 33 подписи крестьянских депутатов, а в 1907 г. – 104, в основном от черноземных губерний¹⁷. Ю. П. Суслов справедливо заметил: «Демократизм эсеровской программы заключался в том, что она правильно отразила стремление крестьянской демократии к полному уничтожению остатков крепостничества, к ликвидации помещичьего землевладения»¹⁸.

В дальнейшем крестьянство России поддержало именно эсеровскую программу социализации земли. Большевики после захвата власти в стране отказались от своей собственной аграрной программы и приняли на вооружение эсеровскую. Как известно, она легла в основу ленинского Декрета о земле.

В области тактики партийная программа эсеров ограничивалась положением о том, что борьба будет вестись «в формах, соответствующих конкретным условиям русской действительности». Арсенал тактических приемов, методов и средств борьбы партии эсеров был довольно разнообразным. Он включал в себя пропаганду и агитацию, парламентскую работу, формы внепарламентской борьбы (стачки, бойкот, вооруженные демонстрации, вооруженное восстание и др.). Эсеры широко применяли индивидуальный террор как средство политической борьбы.

С момента образования партии большинство эсеров считало террор приемлемой формой революционной борьбы. В июне 1902 г. в программной статье «Террористический элемент в нашей программе» В. М. Чернов подчеркивал, что «террор есть могучее средство агитации и пропаганды, и не менее важен как оружие, позволяющее дезорганизовать работу власти». Особое значение агитационному террору придавалось партией до начала Первой русской революции 1905–1907 гг., когда каждый террористический акт приковывал к себе всеобщее внимание и получал поддержку масс¹⁹.

В. М. Чернов и другие лидеры ПСР неоднократно подчеркивали вынужденность, неизбеж-

ность применения насилия, уверяя, что для них более приемлемы мирные средства борьбы. Эсеры, рассматривая террор как средство защиты от правительственных репрессий, всегда старались говорить о жестокости по отношению к широким слоям населения, ставя себя на второе место или не упоминая вообще.

Террор стал терять агитационное значение по мере спада революционных настроений. Многочисленные политические убийства обесценивали в глазах общества как человеческую жизнь, так и значение теракта. Террор был привлекателен для российского общества начала XX в., когда новые экономические отношения привели к заметным противоречиям, в том числе и на уровне массового сознания. Падение престижа партии, связанное со снижением эффективности террора, началось с 1907 г., особенно после разоблачения провокационной деятельности Е. Ф. Азефа²⁰.

В числе неонароднических партий, наряду с эсерами, определенное место занимала Трудовая народно-социалистическая партия (народные социалисты, или энесы). Как отмечает исследователь истории партии энесов Н. Д. Ерофеев, она «не входила в число крупных и влиятельных российских политических партий начала XX в.»²¹. Однако при этом, несмотря на малочисленность, «энесам удалось провести во II Думу ряд депутатов и создать в ней свою фракцию из 16 членов и 3 депутатов, к ней тесно примыкавших. Представительство энесов в Думе было более внушительным в сравнении с численностью партии, чем представительство эсеров (65 депутатов, численность партии ок. 150 тыс.) или эсеров (37 депутатов, численность партии ок. 50–60 тыс.)»²².

Видными идеологами энесов являлись профессор и публицисты – А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский, П. Ф. Якубович, – сплотившиеся вокруг журнала «Русское богатство» и принадлежавшие к «левому флангу» легального народничества²³.

С идеей создания легальной партии публицисты «Русского богатства» впервые выступили осенью 1905 г. Попытка создания такой партии была предпринята совместно с руководством партии эсеров. Подобная идея не выглядит странной. С одной стороны, с началом революции развернулось массовое общественное движение, с другой – последовали аресты членов боевой организации эсеров, в результате чего она практически вышла из политической борьбы. В то же время Манифест 17 октября открывал возможности легальной деятельности. Встал вопрос о создании открытой партии. Инициаторы ее создания обратились в ЦК ПСР с официальным предложением об образовании открытой, легальной, демократической партии того же направления что и эсеры, только с другим названием, поскольку ассоциации с эсеровским террором могли стать серьезным препятствием для дальнейшего развития партии. Вопрос обсуждался на I съезде ПСР в конце де-

кабря 1905 – начале января 1906 г. Не встретив поддержки со стороны делегатов съезда, группа «Русского богатства» покинула съезд и выступила инициатором создания самостоятельной партии. В итоге 14 июня 1906 г. состоялось учредительное собрание народно-социалистической партии²⁴. Поэтому, как справедливо заметила О. Л. Протасова, «не соответствует истине встречающееся в литературе утверждение, будто народные социалисты выделились из правого крыла партии эсеров. На самом деле они в нее никогда не входили»²⁵.

Партия впервые официально заявила о себе в сентябре 1906 г., когда вышел в свет первый, программный выпуск ее бюллетеня «Народно-социалистическое обозрение». Окончательно партия оформилась в ноябре 1906 года. К 1907 г. в ней числилось 56 местных организаций, в которых состояло в общей сложности не более 2–2,5 тыс. членов. В основном это были городская интеллигенция, земские служащие и незначительное число крестьян.

В основе политической доктрины Трудовой народно-социалистической партии, так же как и партии социалистов-революционеров, лежала идеология народнического социализма. Эволюция последнего к концу XIX в. привела к тому, что сформировавшееся в нем течение либерального народничества²⁶ поставило перед собой задачу синтеза социальной и либеральной идеи, причем сама постановка этой задачи была обусловлена, по мнению лидеров энесовской партии, как практическим, так и теоретическим опытом освободительного движения в России в предшествующие десятилетия. При этом позиция идеологов либерального народничества, сгруппировавшихся вокруг журнала «Русское богатство», возглавляемого с начала 1890-х гг. Н. К. Михайловским, сводилась к постановке перед российским обществом цели достижения гражданских и политических свобод.

Свою роль как оппозиционного самодержавию движения идеологи «Русского богатства» видели в том, чтобы путем просвещения и образования народных масс воспитывать в них неприятие общественного и государственного устройства России, призывать их к протесту и действиям по отстаиванию своих прав и свобод, а также оказывать воздействие непосредственно на власть с тем, чтобы она пришла к выводам о необходимости государственного преобразования.

Народ, в представлении энесов, выступал как совокупность всего трудящегося населения. Дистанцируясь от классового подхода, они были противниками термина «рабочий класс». Народные социалисты опирались одновременно на промышленный пролетариат, крестьянство и трудовую интеллигенцию, т. е. всех, кто добывал средства к существованию своим трудом, не прибегая к использованию наемной рабочей силы. Приоритет отдавался, естественно, трудовому

крестьянству. Энесы отрицали мелкобуржуазный характер крестьянства и не признавали факта его классового расслоения. Поскольку численность крестьянства значительно превосходила численность промышленного пролетариата, народные социалисты говорили об особой российской модели социализма и пути к нему²⁷.

Энесы особые надежды возлагали на «надлежащую государственную организацию», видя в государственно-правовой сфере единственно возможную область преобразований. Иными словами, переход общества к социализму энесы предполагали осуществить с помощью государства, в рамках правового поля. Со временем государство должно было стать подлинно демократическим, основанным на широком участии общества в политической жизни.

Идея государственности, убеждение в необходимости и важности государственных институтов в преобразовании общества отличали энесов от других российских социалистических партий (в первую очередь от эсеров) и в известной мере сближали их с кадетами. Переход к социализму, по их мнению, должен был осуществляться исключительно в государственно-правовой форме. Государственные институты должны были демократизироваться, опережая демократизацию социально-экономических отношений. Энесы считали, что государство, прежде чем стать социалистическим, пройдет в своем развитии несколько этапов и выступит в нескольких формах: буржуазно-демократической, демократической, демократически-социалистической и т. д. Народные социалисты в своей теории эволюционного социализма представляли государство как механизм, отражающий различные интересы в обществе. Поэтому для них был неприемлем узкоклассовый эсеровский подход, в соответствии с которым государство отражает интересы правящего класса, т. е. буржуазии, до того момента, пока не произойдет социалистическая революция. В этом энесы видели влияние марксистских идей на эсеров и критически относились к данному тезису²⁸.

Что касается аграрной программы энесов, то основным мероприятием в области аграрных преобразований они считали национализацию, т. е. передачу всей земли в собственность государства. Согласно А. В. Пешехонову, национализация должна проводиться государственными органами и только они должны обладать полномочиями распределения земель как на общегосударственном, так и на местном уровне. Земли сельскохозяйственного назначения предполагалось предоставлять в пользование только тем, кто будет обрабатывать их собственным трудом, без привлечения наемной рабочей силы. Казенные, удельные, кабинетские, церковные, монастырские, частновладельческие, превышающие трудовую норму земли подлежали немедленной национализации. Национализация земель, на которых велось трудовое хозяйство, должна была осуществляться постепенно, с

учетом интересов трудового крестьянства. По справедливому замечанию Н. Д. Ерофеева, энесы «не были принципиальными противниками эсеровской социализации земли, отменявшей разом всякую частную собственность на землю, но считали, что она является лишь декларацией идеального строя, не учитывающей сложность и специфические особенности существовавшего аграрного строя. В частности, не принималось во внимание наличие определенного числа собственников среди крестьян, которые имели уже свои интересы и правосознание»²⁹. Они восприняли бы социализацию как попытку отобрать у них землю, что поставило бы под вопрос саму аграрную реформу. Правда, на первом же своем съезде в июне 1917 г. энесы выступили за национализацию всей земли, в том числе и крестьянской. В новой редакции говорилось, что национализация земли осуществляется путем немедленного перехода государству права распоряжения всеми землями, недрами и водами. Бывшие владельцы получали лишь право пользования этими землями. Народные социалисты выступили противниками эсеровской идеи анархического захвата земли крестьянами, считая это противоречащим социалистическим принципам.

Вполне определенным было отношение энесов к политическому терроризму. Первоначально их непосредственные предшественники (группа «Русского богатства») вслед за эсерами придавали террору важное значение. Симпатизируя эсеровским террористам, они оказывали определенное содействие Боевой организации ПСР. В период Первой русской революции народные социалисты сочувственно относились к террору как к допустимому средству борьбы против правительственной системы, однако сами никогда к нему не прибегали, отдавая предпочтение мирной тактике. После поражения Первой русской революции 1904–1905 гг., разоблачения предательства Азефа и убийства Столыпина энесы твердо стали на позиции полного отрицания террора.

Таким образом, программно-тактические разногласия неонародников не позволили им сформировать единой идеологии. Противоречия оказались столь глубокими, что привели к окончательному размежеванию двух близких друг другу партий по многим вопросам и переходу энесов, фактически, в лагерь либеральных политических сил.

Примечания

- 1 См.: *Троцкий Н. А.* Крестноносцы социализма. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2002. С. 67–94 ; *Кутаев В. А.* Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2004. С. 270–304.
- 2 См.: Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданейшего доклада графа Витте / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001.

- 3 См.: *Алексеева Г. Д.* Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М. : Наука, 1989 ; *Она же.* Народничество в России в XX в. Идеинная эволюция. М. : Наука, 1990 ; *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 134–153 ; *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.: К истории банкротства неонародничества. Л. : Наука, 1977 ; *Он же.* Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902–1914 гг. Л. : Наука, 1983 ; *Городницкий Р. А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1998 ; *Гусев К. В., Ерицын Х. А.* От соглашения к контрреволюции. М. : Мысль, 1968 ; *Гусев К. В.* Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционализма к контрреволюции. М. : Мысль, 1975 ; *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М. : МГУ, 1979 ; *История политических партий России / под ред. А. И. Зевелева.* М. : Высш. шк., 1994. С. 143–193, 312–346 ; *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 86–147 ; *Леванов Б. В.* Из истории борьбы большевистской партии против эсеров. 1903–1917 гг. Л. : Изд-во ЛГУ, 1978 ; *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 278–326, 484–507 ; *Пайнс Р.* Русская революция : в 3 ч. Ч. 2. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1994 ; *Политические партии России: история и современность.* М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2000 ; *Спирин Л. М.* Россия 1917 : Из истории борьбы политических партий. М. : Мысль, 1987 ; *Сыпченко А. В.* Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1999 ; *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм. М. : Наука, 1972 и др.
- 4 См.: *История политических партий России.* С. 143–193, 312–346 ; *Леонов М. И.* Указ. соч. ; *Морозов К. Н.* Указ. соч.
- 5 См.: Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданейшего доклада графа Витте. М., 2001. С. 17–26.
- 6 См.: *Коновалова О. В.* В. М. Чернов и аграрная программа партии социалистов-революционеров // *Отечественная история.* 2002. № 2. С. 43–60.
- 7 *Леонов М. И.* Указ. соч. С. 111.
- 8 Там же.
- 9 *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы :* в 3 т. Т. 1. 1900–1907 гг. М., 1996. С. 101.
- 10 Там же. С. 116.
- 11 Там же. С. 124.
- 12 *Чернов В. М.* Земля и право. Петроград, 1917. Вып. 1. С. 124.
- 13 *Чернов В. М.* Трудовое крестьянство. М., 1906. С. 61.
- 14 *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы.* Т. 1. С. 282.
- 15 *Чернов В. М.* Земля и право. С. 197.

- ¹⁶ См.: Чернов В. М. Конструктивный социализм. М., 1997. С. 120–121.
- ¹⁷ См.: Леонов М. И. Указ. соч. С. 125.
- ¹⁸ Сулов Ю. П. Аграрный вопрос в программных документах левых партий // Проблемы политологии и политической истории : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1996. Вып. 7. С. 77.
- ¹⁹ См.: История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях: доп. учеб. пособие для вузов / авт.-сост. О. В. Будницкий. 2-е изд., доп. и перераб. Ростов н/Д : Феникс, 1996. С. 161–308.
- ²⁰ См.: Николаевский Б. Н. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М. : ТЕРРА, 1991.
- ²¹ Политическая история России в партиях и лицах / сост. : В. В. Шелохаев (руководитель), Н. Д. Ерофеев, И. Е. Задорожнюк и др. М. : ТЕРРА, 1994. С. 74.
- ²² Там же. С. 89.
- ²³ См.: Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М. : МГУ, 1979.
- ²⁴ См.: Сытченко А. В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1996. С. 23–26.
- ²⁵ Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 39.
- ²⁶ См.: Мокшин Г. Н. Идеиная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2010.
- ²⁷ См.: Политическая история России в партиях и лицах. С. 81–82.
- ²⁸ Там же. С. 82.
- ²⁹ Там же. С. 86.

УДК 355.486(470.5) | 1914/1918 |

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918 годы)

С. В. Картагузов

Саратовский государственный университет
E-mail: simonoffsgu@mail. ru

Объектом исследования в статье является офицерский корпус Уральского казачьего войска накануне и в годы Первой мировой войны. Впервые рассматриваются вопросы подготовки казачьих офицерских кадров, их образовательный и профессиональный уровень, приводятся сведения о потерях, награждении и судьбах некоторых офицеров после окончания войны.

Ключевые слова: Уральское казачье войско, офицерский корпус, Первая мировая война, военное образование, подготовка казачьих офицерских кадров.

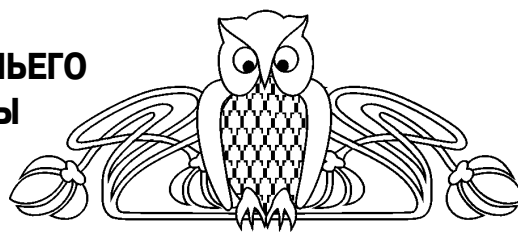
The Officer's Staff of the Urals Cossack Troops During the First World War 1914–1918

S. V. Kartaguzov

The article focused on the research of the officer's staff of the Ural Cossack's infantry during the 1st World War. It is the first attempt to examine of some aspects of training of the officers in the Cossack military embodiment, their educational and professional growth. The reader could find some interesting facts of the losses, decorations and faith of some officers after the end of the First World War.

Key words: Ural Cossack army, officer's staff, First World War, military edukation, Cossack officer's training.

Основу армии составляет ее офицерский корпус. От его качественной подготовленности в полной мере зависит боевая готовность подчиненных частей и подразделений, а во время войны – успех боя. Во второй половине XIX в. вооруженные силы Российской империи пребывали в явно кризисном состоянии, назрела острая необходимость создания более эффективных структур и

управленческих форм в войсках как в мирное, так и в военное время. Военные кампании последних десятилетий выявили большие проблемы с кадровым составом армии. Все это можно было решить только проведением всеобщей военной реформы.

В 60–70-х гг. XIX в. такая реформа была осуществлена под руководством Д. А. Милютин. Страна была поделена на 13 военных округов. На их территории с целью подготовки офицерских кадров для русской армии начали открывать окружные юнкерские училища. Создание военно-учебных заведений нового типа решило проблему нехватки офицерских кадров и значительно повысило их образовательный уровень.

Благодаря военной реформе было обращено внимание на подготовку офицерских кадров для казачьих войск. В 1867 г. было открыто казачье юнкерское училище в Оренбурге, в 1869 г. в Новочеркасске и в 1870 г. – в Ставрополе¹.

На Оренбургское училище было возложено обучение казачьих юнкеров Оренбургского, Уральского и Семиреченского казачьих войск, на Новочеркасское – Донского и Астраханского, на Ставропольское – Терского и Кубанского казачьих войск.

4 июня 1890 г. Высочайшим повелением был издан приказ по Военному ведомству за № 156 об «... учреждении в Николаевском кавалерийском училище казачьей сотни на 120 юнкеров, для приготовления их к службе в офицерском звании в конных казачьих частях».

Кроме того, несколько юнкерских училищ имели отделения для обучения казачьих юнкеров. Виленское пехотное училище имело отделение